

ИЗЪ ДНЕВНИКА „ЕВРАЗІЙЦА“

20 іюля 1924 года.

Бѣлый Камень у Часлава.

Вчера я былъ у В... Удивительно милая семья. Хозяйка дома, А. А. вообще необыкновенное явленіе въ русской жизни. Свыше 30 лѣтъ она замужемъ за чехомъ. 25 лѣтъ живетъ въ чешской деревнѣ, въ центрѣ Чехіи. И, несмотря на это, А. А. сохранила въ полной чистотѣ прекрасный русскій языкъ въ его московскомъ выговорѣ, сохранила вѣру отцовъ и жгучее неумирающее чувство любви ко всему родному русскому: языку, исторіи, литературѣ, быту, укладу. Всѣ дѣти В... хорошо говорятъ по русски. Когдаходишь въ уютный и привѣтливый домъ, видишь кіотъ съ лампадою, русскую бібліотеку и пр. сразу попадаешь въ атмосферу привѣтливаго русскаго помѣщичьяго дома былыхъ временъ въ Полтавской или Черниговской губерніи. Домъ В... открытъ для русскихъ странниковъ по волѣ и поневолѣ, и всякая страдающая душа находитъ тамъ участіе и привѣтъ. Но могъ ли я подумать, что здѣсь я найду убѣжденных и сознательныхъ евразійцевъ. А между тѣмъ — это фактъ: А. А. убѣжденная евразійка и горячая пропагандистка евразійскихъ идей. Одно только огорчаетъ ее — это слова „Евразія“, „евразійцы“. Огорченіе А. А. раздѣляетъ и добрѣйшій Ярославъ Фомичъ, симпатизирующий евразійцамъ. Странно! Чаше приходится слышать не возраженія евразійцамъ по существу, а выраженіе неудовольствія по поводу евразійскихъ терминовъ. А. А. сказала мнѣ, что она не выноситъ даже мысли о томъ, что слово „евразіецъ“ можетъ замѣнить слово „русскій“. Я указалъ ей, что евразійцы не только не

желаютъ такой замѣны, но она, по ихъ мнѣнію, невозможна по существу, да и не требуется. Нѣмецъ или французъ являются европейцами, японецъ — азіатомъ, русскій — евразійцемъ. Развѣ слово „европеецъ“ замѣняетъ слово „нѣмецъ“, и откажется ли японецъ отъ того, что онъ азіатъ? Почему же мы, русскіе, будемъ стыдиться непреложнаго факта, что мы евразійцы, и лѣзть въ чужую, узкую и непригодную для насъ, изветшавую кожу „европейца“? Слово „евразіецъ“ и „русскій“ уживаются вмѣстѣ не замѣняя и не исключая другъ друга.

Во время нашего разговора я увидѣлъ на полкѣ книжнаго шкафа „Дневникъ писателя“, незамѣтно отъ присутствующихъ взявъ книгу и прочелъ А. А.: „Россія не въ одной только Европѣ, но и въ Азіи; потому что русскій не только европеецъ, но и азіатъ. Мало того: въ Азіи, м. б. еще больше надежды чѣмъ въ Европѣ. Мало того: въ грядущихъ судьбахъ нашихъ, м. б. Азія то и есть нашъ главный исходъ. Я предчувствую негодованіе, съ которымъ прочтутъ иные это ретроградное предположеніе мое (а оно для меня аксіома). Да, если есть одинъ изъ важнѣйшихъ корней, который надо бы у насъ оздоровить, такъ это именно взглядъ нашъ на Азію. Надо прогнать лакейскую боязнь, что насъ назовутъ въ Европѣ азіатскими варварами и скажутъ про насъ, что мы азіаты еще болѣе чѣмъ европейцы. Этотъ стыдъ, что насъ Европа сочтетъ азіатами, преслѣдуетъ насъ уже чуть не два вѣка. Но особенно этотъ стыдъ усилился въ нынѣшнемъ XIX вѣкѣ и дошелъ почти до чего то паническаго, дошелъ до „металла и жупела“ московскихъ купчихъ. Этотъ ошибочный стыдъ нашъ, этотъ ошибочный нашъ взглядъ на себя единственно какъ только на европеецъ, а не азіатовъ, (каковыми мы никогда не переставали пребывать), — этотъ стыдъ и этотъ ошибочный взглядъ дорого, очень дорого стоили намъ въ эти два вѣка, и мы поплатились за него и утратой духовной самостоятельности нашей, и неудачною европейскою политикою нашей, и, наконецъ, деньгами, деньгами, которыхъ Богъ знаетъ сколько ушло у насъ на то, чтобы доказать Европѣ что мы только европейцы, а не азіаты... И чего-чего мы не дѣлали, чтобы Европа признала насъ за своихъ, за европеецъ, за однихъ только европеецъ, а не за татаръ...“ Убѣдительно и правдиво сказано. Закрывъ книгу, я спросилъ: „Какъ Вы думаете, — кто писалъ?“ Жена отвѣтила: „Достоевскій“, а А. А. покачала головой и

возразила: „нѣтъ, это писалъ кто-то изъ евразійцевъ“. Я назвалъ автора и добавилъ: „если бы это писалъ кто либо изъ евразійцевъ, то онъ пропустилъ бы всѣ „можетъ быть“ Достоевскаго“.

Наше „евразійство“ даетъ намъ на жизненномъ пути большія преимущества. Оно, мнѣ кажется, вполне объясняетъ изумительную приспособляемость русскихъ къ азіатскимъ условіямъ. Русскій человекъ, (офицеръ, купецъ, солдатъ, рабочій, крестьянинъ — одинаково), удивительно легко примѣняется къ нравамъ и быту азіатовъ и умѣетъ не оскорблять ихъ. Можетъ быть, кто либо будетъ порицать это свойство русскаго ума и одобрить поведеніе въ Азіи нашихъ соперниковъ, гордыхъ бриттовъ. Я лично одобряю нашихъ русаковъ. Ихъ поведеніе указываетъ не только на сродство психологіи нашей и азіатовъ, но и на большую гибкость русскаго ума и на присутствіе яснаго, здраваго смысла.

29 іюля.

Сегодня В... были у насъ. Много пришлось говорить о „трехъ китахъ“, на которыхъ евразійцы будутъ строить и проводить свою практическую программу. Эти „Киты“ — новое отношеніе къ Церкви, къ націи и къ вопросу о мощи власти и ея распредѣленіи. Евразійцы пытаются намѣтить для Россіи путь возстановленія. Въ нашей гражданской войнѣ не побѣдила національная идея. Побѣда удалена, но не устранена. Однако для побѣды и ея утвержденія намъ нуженъ новый фундаментъ. Во главу угла мы кладемъ Православіе. Евразійцы признаютъ высшее право Церкви надъ душою человека и преклоняются передъ нимъ. Церковь двигаетъ всюду впередъ, гдѣ проникаетъ, она ставитъ передъ человекомъ идеаль безконечнаго совершенствованія, къ которому человекъ устремляется. Евразійцы считаютъ первой своей практической задачей возстановленіе авторитета и правъ Церкви, введеніе религіознаго воспитанія во всѣхъ низшихъ и среднихъ школахъ, возданіе должнаго почета и уваженія лицамъ, возглавляющимъ Церковь Христову. Церковь есть совѣсть народа. Наше исканіе религіознаго упора не означаетъ, однако, уклона въ бездѣятельную мистику. Мнѣ кажется, евразійцевъ

скорѣе можно упрекнуть въ сходствѣ съ евангельскою Марѳою, нежели съ Марією. Чтобы жизненная суета не захватила и не поглотила душу человѣка, нуженъ — твердый религіозный упоръ. Двѣ тысячи лѣтъ христіанства все еще не переродили человѣка и онъ безъ церковнаго водительства злобенъ и дикъ. Православная Церковь можетъ и должна не только учить поклоненію Богу въ духѣ и истинѣ, но и должна дать русскому народу цѣлостную методику жизни. Безъ такого распорядка мы газообразны. Церковь должна воздѣйствовать на хозяйственную жизнь страны. Православный пастырь можетъ быть и долженъ стать однимъ изъ двигателей и представителей народной культуры. Отсюда ясно, что евразійцы вообще отъ плоти не отрекаются. Не отрекаются они и отъ Церковной плоти — нашей русской православной обрядности, тѣмъ болѣе, отъ ея устоевъ — догматовъ. Для усиленія вліянія Православной Церкви необходима реформа пастырской школы. Ее проведетъ спокойно сама Церковь, свободная отъ путъ, налагавшихся въ прошломъ „окомъ государевымъ“ — оберъ-прокуроромъ. Тогда дѣло религіозно-національнаго воспитанія въ Россіи можетъ быть поставлено на широкихъ и правильныхъ основаніяхъ. Къ сожалѣнію, современныя условія жизни въ Россіи пока не даютъ возможности согласовать нашу мысль и дѣло. Приходится ждать и готовиться.

Въ вопросѣ объ отношеніи къ Церкви у насъ, къ сожалѣнію, намѣчается расхождение съ представителями русскихъ національныхъ союзовъ и объединеній. Нѣкоторые націоналисты раздѣляютъ ходячія представленія о возможности „соединенія церквей“ и думаютъ, благодаря этому, найти въ борьбѣ съ большевиками помощь у католиковъ. Здѣсь они дѣлаютъ двѣ ошибки. Во первыхъ, ими упускается изъ виду, что исходный пунктъ католической идеологіи указываетъ на возможность только подчиненія Православія Католицизму, но считаетъ мысль о соединеніи церквей абсурдной, ибо Церковь Едина — и по ихъ мнѣнію такая Едина Церковь есть Западно-Католическая. Во вторыхъ, глава и верхи Католической Церкви являются прежде всего политиками, которые скорѣе пойдутъ на соглашеніе съ большевиками противъ насъ — Православныхъ, нежели на единеніе съ Православной Іерархіей противъ анти-христіанскаго большевизма. Поэтому, мнѣ кажется, всякое выступленіе русскихъ націоналистовъ въ этомъ

направленія безплодно и носить въ себѣ опасность сдѣлать религію предметомъ торга и политической спекуляціи.

30 іюля.

Сегодня мы гуляли большой компаніей въ полѣ. Тщательность обработки полей поражаетъ. Несмотря на засуху этого года, хлѣба пышно колосятся по всей Часловской долины. Гуляющіе разбились на двѣ группы: въ одной дамы, въ другой мужчины и наша гостепріимная хозяйка. Мнѣ пришлось все время отбиваться отъ полемическихъ наскоковъ одного изъ гостей, Б. Онъ бывший помѣщикъ, 1917-году былъ предсѣдателемъ Н. земской Управы. По словамъ Б. — онъ старый „эсеръ“ (!) и принципиальный врагъ національных и иныхъ рамокъ и перегородокъ въ культурномъ мірѣ. Б. опытный полемистъ и мнѣ пришлось приложить всю силу убѣжденія, чтобы отстоять утвержденія евразійцевъ. Когда разговоръ коснулся отношеній къ націи, я выяснилъ нашу исходную точку. Евразійцы отрицаютъ существованіе единой человѣческой культуры и отрицаютъ даже ея желательность. Для нихъ міръ — это система взаимодействующихъ культуръ. Каждая изъ нихъ вырастаетъ и развивается, питаясь своими корнями и приспособляясь къ своимъ условіямъ. Никакія стороннія вліянія не могутъ вырастить культуры, скорѣе они ее заглушаютъ и дѣйствуютъ подобно сорной травѣ по отношенію къ злаку; культура же растетъ изнутри, изъ ядра, заложеннаго въ націи. Не отрицая связи и взаимодействия русской, романо-германской и другихъ культуръ, евразійцы отрицаютъ за европейской культурой качества единой общечеловѣческой и считаютъ современное ея состояніе упадочнымъ. Ореолъ идеала для цѣлаго міра снятъ съ Европы. Вліяніе Европы упало не какъ слѣдствіе мировой войны, но въ виду обнаружившихся въ процессѣ войны и послѣ него духовныхъ язвъ. Сознаніе переживаемаго кризиса проникло во всѣ слои человѣчества. Европейцы, одни съ болью, другіе съ радостью, чувствуютъ, что ихъ прошлые идеалы рухнули, старая жизнь изжила себя и должна уступить мѣсто какой-то новой грядущей. Начинаетъ какъ будто-бы развиваться вѣра въ неизбежность новаго порядка, который будетъ концомъ притязаній на „общечеловѣчность“ старой „европейской“ культуры и началомъ но-

вой неизвѣстной. Такъ ли это будетъ или иначе, все же мы не теряемъ права на утверждение своей русской самобытной культуры, соответствующей нашимъ евразійскимъ корнямъ и условіямъ. Мы будемъ строить культуру свою, а не взятую съ Запада и насыщенную иными идеями и соками, нежели наша. Необходимо рѣзко огородить себя отъ другихъ¹⁾. На это А. А. замѣтила: „Мнѣ кажется, Яковъ Димитріевичъ, что такое отгораживаніе есть вполне понятная реакція противъ большевизма — третьяго интернаціонала“.

— Можетъ быть это такъ, не буду спорить. Дѣйствительно, большевизмъ есть наиболѣе яркое выраженіе переживаемаго нами разложенія націи и выразитель новой оцѣнки человѣчества — классовой, но уже въ міровомъ масштабѣ. Евразійство отражаетъ, конечно, въ извѣстной мѣрѣ національный эгоизмъ и обособленіе, въ полосу развитія которыхъ мы теперь, повидимому, вступаемъ, но оно этимъ не исчерпывается. Мнѣ кажется, національное обособленіе касается областей экономики, быта, политическаго строя, и я сомнѣваюсь, чтобы уцѣлѣли и окрѣпли подломленные, обезличивающія международныя скрѣпы, созданныя подъ знакомъ гегемоніи Европы. Время взаимодѣйствія культуръ и наиболѣе сильнаго сцѣпленія народовъ наступитъ нескоро (если оно вообще наступитъ) и иныя начала лягутъ въ основу сцѣпленій, нежели теперешній обездушенный матеріализмъ. Но народы міра могутъ объединиться только на равныхъ правахъ, а не въ кастахъ представителей „европейской — общечеловѣческой культуры“ и представителей „некультурныхъ“ странъ. Въ переживаемое нами время происходитъ уже переоцѣнка цѣнностей и повѣрка взглядовъ на міръ, на исторію, внушенныхъ европейцами своимъ собратьямъ — неевропейцамъ. Теперь европейцамъ не повѣрятъ въ томъ, что только они созданы для использованія міровыхъ богатствъ и что они, дѣлая свои дѣла, совершаютъ „благодѣяніе для всего человѣчества“.

Европейцы не равно относятся къ себѣ и къ намъ. Будучи у себя консерваторами, въ русскихъ дѣлахъ они настроены крайне революціонно, кромѣ какъ въ вопросѣ о русскихъ дѣлахъ. Это поведеніе вызывается ихъ здоровымъ національ-

¹⁾ Прошу не понимать этихъ словъ превратно, — въ смыслѣ отказа отъ общенія съ Европой, Америкой, Японіей.

нымъ эгоизмомъ. Послѣднимъ мы обладали до Смуты въ меньшей степени, нежели наши соперники и союзники. Когда вспыхнула Смута Россійскому Правительству „Временному“¹⁾ необходимо было немедленно заключить перемиріе или даже миръ. Но „Временное“ Правительство не имѣло мужества быть національно эгоистичнымъ. Оно также побоялось объявить себя монархичнымъ, хотя въ этотъ моментъ только монархія могла сохранить продолженіе національныхъ и здоровыхъ традицій Россійской Державы. Это сохранило бы 99% потерь Россіи въ революцію кровью и имуществомъ. И развѣ этотъ монархизмъ значиль сохраненіе и укрѣпленіе отрицательныхъ сторовъ царизма! Отнюдь нѣтъ. Мы должны быть мужественны и національны. Для насъ, помимо всего прочаго (лимитрофы, поведеніе Польши, Румыніи, Японіи), есть много основаній для обостренія и усиленія національнаго чувства. Великія державы вновь повернули на путь исконной вражды и соперничества съ Россіей. Мы должны это знать и помнить; къ сожалѣнію, мы много забываемъ и мало помнимъ. Расчлененіе и ослабленіе Россіи и борьба съ русскимъ имперіализмомъ является завѣтной мыслью не только нѣмцевъ и поляковъ. Среди русскихъ до сихъ поръ имѣется достаточное количество „демократовъ“, демократизмъ которыхъ выражается въ службѣ чужому имперіализму путемъ борьбы съ собственнымъ. Примѣръ нѣмецкихъ соціалистовъ, поставившихъ себѣ задачей использование имперіализма въ національныхъ цѣляхъ, оказался для нашихъ соціалистовъ не заразительнымъ. Къ громкимъ же лозунгамъ, какъ „безъ аннексій и контрибуцій“, „самоопредѣленіе народовъ“, — они оказались воспріимчивыми. Здоровый имперіализмъ дѣлаетъ честь націи и указываетъ на ея жизнеспособность. Націи не равны, не равноталантливы и сильны волею. Было бы для насъ не умно (и фальшиво) проповѣдывать гуманизмъ, отрицать національную борьбу, имперіализмъ и войну. Къ нимъ неизбѣжно приходится готовить народныя массы, развивать въ нихъ чувство чести и жажду лучшей жизни. Националисты должны смотрѣть впередъ и въ своихъ думахъ о будущемъ народа опираться на его прошлое. Народъ не есть сумма изъ слагаемыхъ Якова, Петра, Ивана

¹⁾ Ярлыкомъ „временное“ была наложена самимъ правительствомъ печать проклятій на всѣ его начинанія.

и т. д. Народъ есть дерево съ наслоеніемъ прошлаго и съ почками будущаго. Горькіе плоды гуманизма и социализма были познаны нами въ нашей Смутѣ. Однако, евразійцы не узкіе націоналисты въ европейскомъ шаблонѣ и думаютъ, что Россійская культура будетъ питаться соками всѣхъ евразійцевъ (евразійскихъ народовъ), входящихъ въ рах *rossica*. Связывающимъ звеномъ (цементомъ) будетъ являться русскій народъ во всѣхъ его племенахъ. Россія не должна ввязываться въ европейскія дѣла. Вступивъ при Петрѣ Великомъ въ систему европейскихъ державъ, Россія связала себѣ руки. Рѣшеніе многихъ національныхъ задачъ было отдалено или парализовано той политической эквилибристикой, дѣятельной участницей которой стала Россія и цѣлью которой являлось поддержаніе „системы европейскаго равновѣсія“.

Евразійская внѣшняя (и внутренняя) политика требуетъ закрѣпленія русскаго государственнаго центра въ глубинѣ Евразіи, отнюдь не въ окраинномъ Петроградѣ. Такое закрѣпленіе послужитъ символомъ возврата нашей духовной самостоятельности и возстановленія культурно-творческаго единства русскихъ народа, интеллигенціи и власти. Въ грядущую эпоху Россійской исторіи, эпоху евразійской культуры, мы должны нащупать и дать свободу росткамъ, идущимъ отъ старыхъ самобытныхъ корней, обрѣзанныхъ и пренебреженныхъ отъ Петра Великаго до Ленина, — должны дать свободу этимъ росткамъ, сами, однако, не угашая добрыхъ сѣмянъ петербургскаго періода.

Наши западники въ досадѣ на евразійцевъ допускають иногда въ этомъ вопросѣ неправильное толкованіе нашихъ утверждений и даже передержки. Евразійцы не выражаютъ и не испытываютъ желанія „омонголиться“ или „окитаиться“. Они не отказываются и отъ родства съ Европой. Но съ нашей точки зрѣнія было исторически невѣрно и просто недобросовѣстно отрицать наряду съ хорошими плодами петербургскаго періода, на примѣръ нѣкоторыя слѣдствія татарскаго ига. Все утверженіе евразійцевъ можно свести къ краткому положенію: Россія Держава не только европейская, но и азіатская, — какъ въ прошломъ, такъ и для будущаго (что и выражено въ формулѣ „евразійства“).

Тотъ же день, вечеромъ.

Думаль о трагедіи петербургскаго періода. Сколь ни шаблонны слова о разрывѣ между интеллигенціей и народомъ, въ нихъ есть несомнѣнная правда. Болѣе того: въ данномъ случаѣ можно намѣтить не одинъ этотъ разрывъ, но какъ бы цѣлую „систему“ ихъ. Верхи „приобщились“ къ европейской культурѣ въ то время, когда народныя массы остались чужды этому „приобщенію“. Верхи жили своей жизнью, своими интересами, низы — своими. Но эта оторванность низовъ отъ верховъ отнюдь не сдѣлала первыхъ представителями какой либо самостоятельной національной традиціи, хранителями народной культуры. Народные „низы“, какъ таковые, вообще не способны имѣть и двигать культуру большого стиля. Въ частности, въ русскомъ случаѣ, отрывъ низовъ отъ верховъ привелъ только къ тому, что низы оказались лишенными культурнаго водительства, а сами не смогли выработать свое нерушимое уложеніе въ области міропониманія, правоотношенія и хозяйствованія. Нелѣпая попытка „народниковъ“ сблизиться съ народомъ, плетясь за нимъ въ хвостъ (а не ведя его), не мѣняетъ положенія. Отсутствіе твердыхъ началъ въ народныхъ низахъ было одной изъ причинъ народнаго разложенія и распада 1917 года. Но и верхи русскаго народа, будучи въ общемъ и цѣломъ объединяемы одной западнической тенденціей, имѣли глубокой разрывъ въ своей средѣ, распадаясь на два лагеря: реакціонную (обычно) власть (Царь и правящее сословіе — дворянство) и радикальную интеллигенцію. Существовалъ и третій разрывъ, который явился послѣдней каплей, пролившей чашу Смуты: этотъ разрывъ былъ между властью и ея опорой — дворянствомъ (сравнить событія и настроенія послѣднихъ предреволюціонныхъ лѣтъ: борьбу правительства и борьбу съ правительствомъ цензовой Госуд. Думы, цензовыхъ же земствъ и городовъ, „объединеннаго дворянства“ и т. д., и т. п.). Разрывъ этотъ былъ обусловленъ разложениемъ въ средѣ обоихъ дѣйственныхъ факторовъ тысячелѣтней русской исторіи. Большаго абсурда, чѣмъ этотъ третій разрывъ, врядъ ли знаетъ чья либо исторія. Наша Смута (или „великая революція“) разнo была понята властью, интеллигенціей и народомъ. Династія ушла безъ борьбы, признавъ себя неспособной править. Интеллигенція въ лицѣ ея консерватив-

ной части съ тоской и болью вздыхала и чего то неопредѣленно ждала, умѣренная ея часть, когда на нее свалилась долгожданная революція, растерялась, а радикалы начали пробовать на практикѣ всѣ „способы всесторонняго раціональнаго переустройства Россійской Державы“ и ускорять „европеизацію“. Народъ же понималъ революцію иначе, именно, какъ возможность утолить въ годину безвластья свою алчность, затѣмъ — какъ устраненіе отъ власти европеизованныхъ верховъ¹⁾, европейскихъ государственныхъ и хозяйственныхъ формъ. Это пониманіе революціи характерно выражалось въ 1917-1918 гг. въ лозунгахъ: „народная власть“, „народное право“, „вся власть на мѣстахъ“ и т. д. Съ такимъ пониманіемъ связана безспорная популярность формы „совѣтовъ“. Идеи правящаго класса („Босфоръ и Дарданеллы“) и еще болѣе радикальной интеллигенціи („парламентаризмъ“, „соціализмъ“ и т. п.) были чужды народу. Правительство не могло до революціи при существованіи двухъ, а потомъ и трехъ „разрывовъ“ воспитывать народъ и прививать ему необходимыя національныя и государственныя идеи, да оно и само не имѣло необходимой руководящей „идеи-правительницы“ и шло въ слѣпую, слѣдуя нуждамъ текущаго момента и не заглядывая въ будущее. Послѣ переворота новое Правительство, очутившееся неожиданно для себя у власти, еще болѣе лишено было единства идеи, мысли и дѣйствія. Недаромъ оно себя называло „временнымъ“ — въ смыслѣ безвластнаго, неправомочнаго, и этимъ словомъ сильно ускорило приходъ „народной (?) рабоче-крестьянской (??) власти“. Революція отнюдь не освободила творческихъ силъ Россіи, не дала имъ простора и мощи, и, если въ Россіи теперь замѣтенъ гдѣ-либо творческій порывъ, то это есть попытка творчества вопреки революціи, или въ цѣляхъ преодоленія ея и выхода на прежній путь мирнаго развитія. Да и могла ли большевицкая власть вызвать созидательный порывъ, если ея первой задачей было „разрушить старый міръ“ и устранить главный творческій элементъ общества, тотъ, который весьма приблизительно и несовершенно обозначается плоскимъ западно-европейскимъ словомъ „буржуазія“. По самымъ основнымъ своимъ идеямъ марксо-ленинизмъ, являясь верхомъ

¹⁾ „Баръ“, „пановъ“, охватывая этимъ понятіемъ дворянство, бюрократію и все непростонародное духовно и даже только по внѣшности.

упадочнаго періода европейской культуры и предѣломъ „европеизаціи“, занять почти исключительно вопросомъ о перераспредѣленіи народнаго дохода и капитала, но не вопросомъ о производствѣ и его усиленіи. И если можно опредѣлять роль большевицкой революціи для будущей нашей собственной культуры, и, надо надѣяться, подъема Россіи-Евразіи, то только русской пословицей: „не было бы счастья, да несчастье помогло“. И подлинно, потрясающее несчастье!

1-го августа.

Сегодня я читалъ „Исторію второй русской революціи“ П. Н. Милюкова. Вотъ неисправимый идеологъ парламентаризма! Видно, горбатого только могила исправить. Пожалуй, онъ изъ всего своего большого опыта, въ самомъ дѣлѣ, найдеть какой нибудь шансъ (одинъ противъ ста) въ пользу народоправства въ Россіи. Мысли мои стали бродить и я занялся размышленіемъ о третьемъ „китѣ“, на которомъ евразійцы строятъ свою программу, именно, о новомъ отношеніи къ власти и ея мощи. Во время міровой войны выросло значеніе коллектива, въ ущербъ правъ и значенія личности. Конецъ войны вызвалъ сильное соціальное движеніе всюду. Это движеніе привело къ коллизіи притязаній группъ, классовъ и индивида, неустранимой при слабой государственной власти. Самоуправленіе постепенно устранило давленіе государства и умалило его авторитетъ. Государство и власть, низведенныя съ пьедестала надобщественнаго и надклассоваго верховенства, стали предметомъ борьбы партій и орудіемъ ихъ политики. При парламентаризмѣ (конечной формѣ самоуправления) власть во всемъ ея объемѣ (и законодательная) перешла къ господствующей партіи. А такъ какъ всюду наблюдается сильное дробленіе партій и отсутствіе партій¹⁾, имѣющей большинство, то застои и развалъ въ государственной жизни стали нормальными въ наше время. Междупартійные торгъ, сдѣлки и коалиціи рѣдко могли исправить положеніе, и партійная борьба приняла характеръ постоянной гражданской войны, ведомой „тихою сапою“ или революціоннымъ порядкомъ, въ зависимости отъ условій и темперамента. Власть же превратилась

¹⁾ Эта одна изъ видимыхъ причинъ слабости власти.

въ какой то объектъ приспособленія къ соціальнымъ потребностямъ. Для евразійцевъ (да и не для нихъ однихъ), государство не является и не должно являться партійнымъ орудіемъ угнетенія, но высшимъ судією и вождемъ, — свободнымъ, безпартійнымъ и мощнымъ. Они хотятъ вновь превратить государственную власть въ надобщественнаго субъекта господства и разрѣшить создавшуюся коллизію между личностью и коллективомъ путемъ сосредоточенія ядра власти у одного изъ факторовъ правового государства и путемъ созданія іерархіи на новыхъ началахъ, на основѣ іерархіи духа, одаренія и воли. Этотъ путь требуетъ отказа отъ абсолютности свободъ и отъ соціального равенства. Отсюда вытекаетъ, что евразійцы высказываются за правовое государство, но не въ теоретическомъ, а въ практическомъ его пониманіи. Наибольшей опасностью для мощи власти было и есть противопоставленіе общества (или его группъ) государству. Такое противопоставленіе необходимо искоренить путемъ возстановленія прежняго величія и верховенства государства. Послѣднее возможно тогда, когда власть и ея мощь обладаютъ великимъ нравственнымъ авторитетомъ и обликомъ. Бываетъ сильная власть, но не авторитетная и наоборотъ. Взаимное благожелательное отношеніе російской власти и Православной Церкви усилить авторитетъ первой. Наше дореволюціонное интеллигентное общество было крайнѣ склонно къ идеѣ народоправства. Причиной этого уклона были — наивность по части историческихъ знаній, неимѣніе хозяйственнаго и административнаго опыта, совершенное незнаніе психологіи народа и отчужденность отъ него. Интеллигенція „блажила“, сидя спокойно за спиной Самодержавной Царской Власти. Когда побѣдило это общество и взяло государственную власть въ свои руки наступилъ ея параличъ. Россія до сихъ поръ не выползла изъ бездны административной анархіи, въ которую ее ввергла ея „великая революція“. Да если бы и были какія либо завоеванія, то какая ужасная цѣна заплачена за нихъ: миллионы убитыхъ въ тюрьмахъ, искалѣченныхъ и погибшихъ на полѣ гражданской брани, унесенныхъ эпидеміями, миллиарды потерь имущественнаго характера, крушеніе всѣхъ достижений въ промыслахъ, земледѣліи и техникѣ... Кто знаетъ, каковы еще будутъ для Россіи послѣдствія психо-физиологическаго характера?! Отцы русской Смуты, оттертые большевиками, начинаютъ отходить отъ „революціи“.

Но не передъ ними, а передъ новыми поколѣніями долженъ встать теперь вопросъ: какъ возстановить Россію, и именно намъ—русскимъ, русскими мозгами и руками? Кромѣ насъ, никто ее не возстановитъ, ни инородцы, ни чужеземцы, ибо никто изъ нихъ не любитъ Россію кровью — нутромъ, — и большинство чужеземцевъ думаетъ (что, впрочемъ, и вполнѣ естественно) лишь о корыстномъ использованіи русскихъ природныхъ богатствъ и ея живыхъ силъ. Для противодѣйствія плану чужеземцевъ, Россіи необходима сильная, устойчивая и гибкая власть. Но необходимо культъ силы, дисциплины и интегральности государства сочетать со свободой и охраной интересовъ личности. Это труднѣйшая задача. Высказываясь противъ „демократіи“ и „соціализма“, поскольку они являются олицетвореніемъ господства сѣрыхъ, среднихъ, безличныхъ, — и предпочитая качество количеству, евразійцы наряду съ этимъ являются ярыми защитниками бытового демократизма („демотизма“) и открытой политики въ интересахъ массъ. Для насъ, евразійцевъ, аристократъ пріемлемъ тогда, когда онъ обладаетъ душой демократа, а демократъ, когда у него душа аристократа. Евразійство должно гармонически и плодоносно сопречь въ себѣ начала аристократіи и демократіи (демотизма). Евразійство не легитимизмъ и не бонапартизмъ; это перестроенная въ корнѣ идеологія. Возможно, что форма „совѣтовъ“ (вмѣсто земскихъ собраний, городскихъ думъ), сѣзда совѣтовъ, (вмѣсто Госуд. Думы или Собора) окажется удобнѣе, чѣмъ иныя, и сохраненіе этой формы устранить всѣ невзгоды ломки новаго государственнаго строительства.

Евразійцы считаютъ принципиально походъ на традиціи и на устои великимъ зломъ. Традиціонализмъ — это высшая степень культурности. „Иванъ непомнящій родства“, — нація отрекшаяся отъ своего прошлаго, недостойна уваженія. Къ тому же намъ отрекаться и невыгодно: мы можемъ съ гордостью вспомнить многое изъ нашей исторіи.

5 августа.

Демократизмъ въ его послѣдовательной формѣ — это конечное устраненіе всякой іерархіи и неравенства. На протяженіи XIX вѣка въ т. н. цивилизованныхъ государствахъ было достигнуто равенство гражданъ въ области частнаго права,

иначе сказать, — гражданское равноправіе, затѣмъ равенство политическое въ области публичнаго права, и было выставлено требованіе равенства соціальнаго, т. е. въ области общежитія и, главнымъ образомъ, въ хозяйственной сферѣ. Попытку практическаго осуществленія послѣдняго мы наблюдаемъ теперь въ Россіи. Осуществленіе формальнаго гражданского и политическаго равенства явно обнаружило естественное неравенство людей и указало на недопустимость абсолютнаго проведенія и осуществленія началъ равенства. Всеобщее равное и прямое избирательное право, а также многое связанное съ „прямымъ народоправствомъ“ примѣнимо и можетъ быть пригодно въ Швейцаріи, но совершенно не примѣнимо и непригодно въ евразійскихъ условіяхъ¹⁾). Демократія временно или навсегда кое отъ чего отказалась, въ частности отъ проведенія соціальнаго равенства. Создалась принципиальная двусмысленность, выходомъ изъ которой можетъ явиться только открытое отрицаніе всеобщаго равенства и принципиальное признаніе значенія іерархіи. Евразійцы такъ и дѣлаютъ. Они считаютъ равенство — неестественной привиллегіей негодности, невѣжества, глупости. Фактически на землѣ царили и будутъ царить высшіе типы. Всѣ смуты и потуги „уравненія“ кончались всегда тѣмъ, что милліоны людей поворачивали за „сверхчеловѣками“ и ихъ окруженіемъ. Надо не бороться съ этой склонностью массъ быть водимыми лучшими и сильнѣйшими изъ народа, но воспитывать и укрѣплять въ нихъ эту склонность. Достаточно взглянуть вокругъ себя, чтобы увидѣть, что природа первая аристократка и предпочитаетъ лучшихъ и сильнѣйшихъ. Соціализмъ, не отказавшись отъ „послѣдовательнаго уравненія“ всѣхъ и во всемъ, идетъ противъ аристократическаго начала, заложеннаго въ самую основу жизни. Расцвѣтъ націи вытекаетъ изъ развитія личности — индивида; послѣднее же невозможно внѣ начала іерархіи по качествамъ. Индивидуализмъ есть выраженіе силы духовной и тѣлесной. Для его развитія необходима свобода въ извѣстныхъ рамкахъ. Здоровый и плодоносный индивидуализмъ является основой индивидуальной собственности. Современная соціальная борьба, повиди-

¹⁾ Не больно дорожить этими правами и европейская демократія, если въ Бельгіи, Франціи и другихъ государствахъ пришлось ввести наказаніе за неподачу голоса.

тому, приведетъ послѣ горькаго опыта русскаго и иныхъ къ укрѣпленію началъ индивидуализма и частной собственности, и установленію своеобразныхъ монархій-іерархій.

Значеніе личныхъ инициативы и способностей особенно ярко сказывается въ области хозяйственной дѣятельности чело-вѣка. Соціалисты, исходя изъ ложной идеи безостановочнаго прогресса, не опасались ущерба для производства, вслѣдствіи устраненія личной заинтересованности. Помимо ихъ оптимизма они просто не понимаютъ, что богатство создается мозгами, а не только руками и нуженъ постоянный побудитель для творческой работы мозговъ. Этотъ „толкачъ“ къ хозяйственному творчеству есть возможность обогащенія и выдѣленія изъ равной среды энергичныхъ и способныхъ. Наличие такого толкача обезпечиваетъ спасительный путь развитія. За первыми пионерами богатства всегда тянется безконечная вереница послѣдователей и народное хозяйство расцвѣтаетъ. Для возсозданія народнаго хозяйства Россіи и для его успѣшнаго развитія необходимо возстановленіе и правовая охрана личной заинтересованности въ хозяйственной жизни. Русская дореволюціонная интеллигентско-дворянская психологія относилась къ богатству съ презрѣніемъ. Русская буржуазія была чужероднымъ тѣломъ въ русской интеллигентской средѣ. И положеніе ея, при томъ, что и въ правительствѣ она имѣла только весьма относительную опору, было шаткимъ. У насъ не было вкоренено сознаніе, что богатство есть результатъ умственной изобрѣтательности, личныхъ талантовъ и напряженнаго труда, — что оно служитъ признакомъ интеллектуальной силы (исключенія возможны — но не они правила). Необходимо установить правильный взглядъ на богатство, измѣнить отношеніе къ его создателямъ, искоренить распространенный (теперь слабѣющій) фаталистическій взглядъ на „неизбѣжность соціализма“. Этотъ фатализмъ болѣе распространенъ среди противниковъ соціализма, чѣмъ среди его проповѣдниковъ. Между тѣмъ соціализмъ уже теперь переживаетъ жесточайшій кризисъ и мѣняетъ не только тактику, но и пересматриваетъ конечныя цѣли. Измѣненіе нашихъ взглядовъ дастъ нравственную силу въ борьбѣ съ марксизмомъ и устранить психологическій анабіозъ, въ видѣ отупѣлости и утраченности, въ которыхъ временами находилось буржуазное общество.

Какъ то въ пылу спора Б. замѣтилъ мнѣ, что я повторяю, и то, что я утверждаю, онъ уже читалъ въ моей статьѣ и у другихъ евразійцевъ. Я улыбнулся, замѣтивъ — это не совсѣмъ такъ. Во первыхъ, раньше намъ приходилось больше отрицать, теперь, главнымъ образомъ, утверждать. Во вторыхъ, хотя предметы обсуждения повторяются, но обсуждаются они подъ разными углами зрѣнія. И, наконецъ, мы признаемъ значеніе пословицы: „капля камень точитъ“. Развѣ противопоставленіе духовности культуры — матеріализму, утверженіе религіи основной культуры, а не ядомъ или устарѣвшимъ ея элементомъ, отстаиваніе интересовъ личности противъ гнета коллектива, націи противъ нивелировки интернаціонала, — развѣ все это не стоитъ того, чтобы упорно долбить и повторять?

Въ „Послѣднихъ Новостяхъ“ и въ „Крестьянской Россіи“ Бор. Мирскій, Д. Лутохинъ спѣшатъ заклеить насъ словомъ „реакція“, „люди изъ Новаго Времени“ и т. п. Мало кого могутъ тронуть эти старыя трафаретныя фразы. Онѣ такъ понятны и не заслуживаютъ возраженій или опроверженій. Однако, я долженъ по совѣсти сказать, что все таки трудно отнести насъ къ „реакціонерамъ“. Мы не люди изъ „Новаго Времени“, но люди новаго времени. Наши ряды частично пополняются изъ рядовъ „правыхъ“, но въ такой же мѣрѣ они пополняются изъ среды „лѣвой“. Евразійцы стремятся стать на путь творческой, а будутъ ли его называть „революціонно-героическимъ“ или „черной реакціей“, это для насъ въ полной мѣрѣ безразлично. Я лично думаю, что въ нашей средѣ будутъ правые и лѣвые евразійцы и евразійскій центръ. Евразійство — это новое міроощущеніе, и трудно будетъ г. г. интеллигентамъ приклеить намъ старый ярлыкъ „черный“ или „красный“. Въ утверженіяхъ евразійцевъ практическаго характера дѣйствительно много противосоціалистическаго, но подчеркиваю, нѣтъ ничего, даже въ зародышѣ противосоціального или противонароднаго. Евразійцамъ хотѣлось бы замѣнить современный мрачный социализмъ съ его ужасной проповѣдью вѣчной войны—свѣтлымъ радостно-бодрымъ социальнымъ движеніемъ. Уходящій въ прошлое социальный бытъ мы не отстаиваемъ, хотя основа его: право собственности и личную заинтересованность мы твердо защищаемъ; но защищаемъ

именно „начала“, а не какія либо конкретныя формы ихъ выраженія. Росту производительныхъ силъ Россіи и обезпеченности ея государственнаго бытія будутъ способствовать — охрана этихъ двухъ началъ и культурно-экономическая политика, опирающаяся на нашу евразійскую дѣйствительность, но отнюдь не шаблонное „поднятіе русскаго народа на степень европейской цивилизаціи“.

Интересы деревенскихъ рабочихъ и городскихъ различны. Различны они и у разныхъ профессій и группъ городского пролетаріата. Надо дать центростремительное начало этимъ эгоистическимъ и центробѣжнымъ силамъ, и отдѣлить свѣтлую мечту о справедливости и свободѣ, къ которымъ тянутся массы, отъ безчеловѣчной разбойной теоріи Маркса - Ленина. Когда то социализмъ означалъ усиленіе чувства братства, состраданіе къ униженнымъ и оскорбленнымъ, жажду свободы и равенства въ ней. Это было до Маркса и противно его убѣжденіямъ. Въ рабочей массѣ необходимо поощрять личность во всѣхъ ея проявленіяхъ. Марксисты должны быть оттерты отъ рабочихъ массъ, къ которымъ они „пришились“ (по выраженію одного рабочаго). Рабочій вопросъ связанъ съ развитіемъ промышленности. При быстромъ ея подъемѣ онъ теряетъ остроту.

10 августа.

Существуетъ анекдотъ о томъ, что самой многолюдной профессіей на свѣтѣ является медицинская, ибо каждый „ближній“, узнавъ о вашей болѣзни, обязательно даетъ вамъ врачебный совѣтъ, а иногда и рецептъ. Правда, когда является необходимость лечить самого себя, тогда всѣ эти добровольцы медицины ищутъ сами совѣта и рецепта. Нѣсколько иначе дѣло обстоитъ при политическихъ болѣзняхъ. Здѣсь всякій хочетъ примѣнить свои средства, и примѣняетъ ихъ (обычно), какъ можетъ. А „ближніе“ глядятъ и критикуютъ: одни васъ крестятъ „консерваторомъ“, другіе — „реакціонеромъ“, третьи — „радикаломъ“. Между тѣмъ понятія эти нынѣ совершенно устарѣли и должны скоро исчезнуть изъ публицистическаго и политическаго лексикона. Для насъ они утратили свою дѣйственность уже потому, что политическія формы и ихъ комбинаціи играютъ второстепенную роль, занимая подчиненное положеніе въ утвержденіяхъ евразійцевъ, подобно формамъ „под-

чиненной экономики". Вотъ поэтому то выраженія „совѣтская монархія“, „національный съѣздъ совѣтовъ“ и др. не звучать для насъ несбыточной ересью. Мы, дѣйствительно, можемъ и должны быть „радикальнѣе самыхъ радикальныхъ и консервативнѣе самыхъ консервативныхъ“, если (подчеркнемъ) того требуютъ „идеи-правительницы“, т. е. тѣ начала, которыя мы кладемъ въ основу жизни. Не надо озираться по сторонамъ и бояться правизны или лѣвизны по отношенію къ формамъ (и сути) жизни своихъ „ближнихъ“ и „дальнихъ“. „Никто, возложившій руку свою на плугъ и озирающійся назадъ, не-благонадеженъ для Царствія Божія“ (Ев. Луки I, 62). Наше культурное творчество должно идти своими путями, не требуя для своего оправданія чьего-то „признанія“, такъ сказать — виѣшней легализаціи, — поскольку въ немъ чувствуется внутренняя необходимость. И чѣмъ величественнѣе и необходимѣе будутъ цѣли и задачи, тѣмъ сильнѣе должны быть наши горѣніе, устремленіе и наростаніе напора. Духовное созиданіе даетъ непоколебимую опору для выполненія тѣхъ многочисленныхъ и грандіозныхъ практическихъ задачъ, которыя стоятъ передъ нами. Назову для примѣра — созданіе водныхъ путей соединяющихъ Волгу и Обь, Печору и Каму, Обь и Енисей, орошеніе Сѣв. Тавріи, постройка необходимыхъ 100.000 верстъ жел. дороги, 200.000 верстъ шоссе, покрытіе Урала, Кавказа и Туркестана сѣтью санаторій и курортовъ, созданіе „хлѣбнаго треста“ изъ Соед. Штатовъ, Аргентины и Россіи-Евразіи, въ цѣляхъ лучшаго использованія (для насъ, прежде всего, нашей собственной) продукціи, наконецъ, организація страхованія урожая и т. д., и т. п.

12 августа.

А. А. спрашивала меня о нашихъ взглядахъ на земельный вопросъ. Отвѣчала ей приблизительно такъ.

Евразійцы умѣренные аграрники. Являясь противниками возстановленія огромныхъ земельныхъ владѣній, евразійцы одновременно высказываются противъ чрезвычайнаго дробленія земельныхъ владѣній и принципиально противъ „соціализаціи“ или „натурализаціи“ земли. Въ Россіи необходимо закрѣпить землю за крестьянами на правахъ собственности (индивидуально или временно, — до вольнаго размежеванія, — за об-

щинами). Въ 1918 году никакого планомѣрнаго передѣла, или, тѣмъ болѣе, организованнаго свѣше землеустройства не было. Землемѣры оказывали только техническую помощь и не имѣли права голоса въ земельных дѣлахъ. Во время передѣла побѣдила община. Побѣдила она въ союзѣ съ личной алчностью при отсутствіи какихъ либо сдержекъ для послѣдней. Противное теченіе въ крестьянской средѣ — собственническое — оказалось слабѣе общинническаго, а, главное, оно не только не встрѣтило поддержки или сочувствія у тогдашней власти, но сразу было причислено къ контрѣ-революціи. Однако, собственники-крестьяне отъ возстановленія своихъ правъ не отказались и свои „купчія“ и другіе документы хранятъ съ надеждой.

Собственническое сознаніе послѣ передѣла 1918 года стало яснѣе и усилилось. Мнѣ думается, что всякое правительство въ концѣ концовъ уплатитъ крестьянамъ - собственникамъ за отнятыя у нихъ земли. Помимо общаго принципиальнаго значенія уплаты, — безъ нея на десятки лѣтъ будутъ парализовано землеустройство и интенсификація крестьянскаго хозяйства. Закрѣпленіе за хозяевами надѣльныхъ земель, покупка новыхъ, выдѣленіе изъ общины, устроеніе хуторскаго хозяйства, — все это будетъ психологически и морально затруднено, если крестьянину-собственнику не будетъ заплачено за купленные имъ передъ революціей и отнятыя у него грабежомъ земли. Конечно, уплата (натурой, деньгами или иначе) государствомъ крестьянамъ - собственникамъ за захваченныя имъ земли не должна имѣть ничего общаго съ установленіемъ новыхъ правъ собственности на эти послѣднія. Эти два процесса должны протекать совершенно раздѣльно. — Вопросъ съ помѣщичьимъ землевладѣніемъ въ уже колонизованныхъ (заселенныхъ) областяхъ нужно считать поконченнымъ. Также съ точки зрѣнія національной — въ этомъ обстоятельствѣ есть свой историческій смыслъ. Одна изъ важнѣйшихъ сторонъ помѣщичьяго землевладѣнія заключается въ томъ, что оно, какъ пионеръ-колонизаторъ, шло во многихъ случаяхъ во главѣ русскаго колонизаціоннаго движенія на югъ, юго-востокъ и востокъ. Теперь эта колонизаціонная задача выполнена, и, поскольку она выполнена, помѣщичье землевладѣніе можетъ отпасть. Но въ рядахъ помѣщиковъ есть люди съ цѣннѣйшими культурными данными и, въ частности, — съ навыками с.-хоз. пред-

принимательства. Ихъ, какъ передовую рать, и нужно послать въ районы, которые еще предстоитъ колонизовать, — надѣливъ землями изъ государственныхъ лѣсовъ сѣвера и степей юга и востока. И если гдѣ либо въ нынѣ пустынныхъ земляхъ пріобскихъ и пріенисейскихъ лѣсовъ, или въ какомъ-нибудь Актюбинскомъ или Павлодарскомъ уѣздѣ создались бы новыя „дворянскія гнѣзда“, — на смѣну исчезнувшему тамбовскому или полтавскому, — этому евразійцы могли бы только радоваться. Передѣлъ 1918 года считался „временнымъ“, по миѣнію общинниковъ — „до чернаго передѣла“, по миѣнію ихъ противниковъ, — по другимъ основаніямъ. Этотъ передѣлъ жестоко разочаровалъ своими результатами почти всѣхъ его инициаторовъ и сторонниковъ. Побѣда общинниковъ, надо думать, является послѣдней въ исторіи общины. По существу она есть окончательное пораженіе и могила для ихъ идей. Сознаніе ограниченности земельныхъ запасовъ, чего раньше не было, и обнаружившееся неравенство земельныхъ надѣловъ является сильнымъ побудителемъ къ закрѣпленію селами захваченныхъ земель за собой. Границы общинныхъ земель, какъ правило, не передвигались. Стремленія къ этому закрѣпленію наблюдались и въ 1918 году. Предчувствуя, что „временный передѣлъ“ можетъ стать укрѣпленіемъ „на вѣчность“, крестьяне уже въ 1918 году начали междуособную брань изъ-за расхищаемыхъ земель. Сулить „окончательный черный передѣлъ“ послѣ „временнаго“ передѣла 1918 года теперь не въ каждомъ селѣ соблазнительно и безопасно. Закрѣпить законнымъ путемъ освоенныя безъ права земли является мечтой весьма многихъ селъ — удачливыхъ захватчиковъ. Это настроеніе возможно и необходимо использовать для послѣдующихъ земельныхъ мѣропріятій.

Въ общемъ, передѣлъ 1918 года отодвинулъ насъ назадъ, — въ XIX вѣкъ разрушеніемъ интенсивнаго хозяйства и лучшихъ формъ землепользованія. Онъ чрезвычайно осложнилъ земельный вопросъ въ Россіи, создавъ много новыхъ и острыхъ проблемъ. Въ крестьянскомъ взбаламученномъ морѣ еще не выкристаллизовался болѣе или менѣе общій взглядъ, который далъ бы твердую основу для будущихъ земельныхъ мѣропріятій. Да и можно сомнѣваться въ возможности его самопроизвольнаго появленія въ народной массѣ. По миѣнію евразій-

цевъ массой необходимо руководить, направлять ее и создавать ее „взгляды“.

14 августа.

Сегодня я ѣздилъ въ Чаславъ. По дорогѣ любовался прекрасными полями. Что бросается въ глаза въ чешской провинціи, — это постоянное сочетаніе города и деревни. Если посѣтить районы Лысой Колины, Градца, трудно будетъ отнести эти области къ чисто промышленному или чисто земледѣльческому району. Хорошо было бы провести такое сочетаніе въ широкомъ масштабѣ въ Россіи. Въ этомъ отношеніи, я думаю, врядъ ли кто будетъ возражать евраійцамъ въ ихъ отрицаніи исключительнаго аграризма въ Россіи. Избытокъ населенія и природныя евраійскія данныя не дають основаній отказываться отъ сознательнаго перевода Россіи на положеніе страны съ большой и развитой промышленностью. Роль Россіи, какъ поставщика сырья, должна быть устранена на вѣки. Россія можетъ, должна и будетъ имѣть развитую промышленность въ тѣхъ отрасляхъ ея, для развитія которыхъ есть природныя данныя. А какихъ только данныхъ нѣтъ въ Евразіи!? Почти все существующее внѣ тропиковъ, сырье и матеріалы имѣются у насъ. Поэтому будущую русскую экономическую политику нельзя свести къ тѣмъ двумъ пунктамъ, къ которымъ часто сводятся въ прессѣ пожеланія въ этой области: 1. дать товаръ населенію и 2. облегчить налоги. Мнѣ кажется, что есть и другія, менѣе осязаемая, но не менѣе важныя задачи. Первая изъ нихъ — это установленіе правильнаго идеологическаго и психологическаго отношенія къ богатству и народному хозяйству вообще (лозунгъ „благословеннаго хозяйства“). Вторая — это достиженіе въ возможныхъ предѣлахъ экономическаго (гл. обр. промышленнаго) самодовлѣнія. Въ отношеніи къ тѣмъ духовнымъ основамъ, которыя утверждаютъ евраійцы, любяя формы хозяйства и техники являются духовно нейтральными, ибо формы эти духовно безсодержательны. Но духъ современнаго европейско - американскаго капитализма поставилъ хозяйственныя достиженія довлѣющей себѣ и высшей цѣнностью человѣческаго существованія. Это несовмѣстимо съ началами, на которыхъ основано евраійство. Отрицая, такимъ образомъ, современный капитализмъ, не въ какихъ либо техническихъ

его достиженіяхъ или хозяйственныхъ формахъ, но въ его духъ евраійцы не могутъ не видѣть, что и европейскія социалистическія идеи не ведутъ къ преодолѣнію этого духа, являясь не лѣкарствомъ противъ него, а скорѣе ядомъ, имъ порожденнымъ. Бичъ современности — крайняя конкуренція, порожденная капитализмомъ, можетъ быть ослаблена созданіемъ огромныхъ, внутри себя политически сплоченныхъ и хозяйственно, въ известной мѣрѣ, довлѣющихъ себѣ цѣлыхъ, однимъ изъ которыхъ и будетъ Россія-Евразія. Но чтобы преодолѣть духъ капитализма нужно пользоваться его средствами, нужно владѣть капиталомъ.

20 августа.

Вчера вечеромъ къ намъ приходили Б—е и Л. Я. Говорили о хозяйствѣ, урожаѣ, жатвѣ и незамѣтно для себя уклонились въ область размысленій. Б—е выражалъ сожалѣніе о томъ, что теперь въ Чехіи такъ много лицъ, отказавшихся отъ религіи. Перешли къ разбору общаго умонастроенія въ Европѣ и Россіи и тѣхъ возможныхъ слѣдствій, къ которымъ можетъ привести современное направленіе умовъ. Я сказала, что духовный кризисъ Европы менѣе зрѣмъ, нежели нашъ русскій, который однако же является порожденіемъ европейскаго. Насъ, евраійцевъ, это происходящее приводитъ къ такимъ выводамъ. Главнымъ двигателемъ въ жизни человечества является этическая область. Она распадается въ порядкѣ іерархіи на три начала. Первое — это мораль, или вѣчно должное, ибо душа человѣка по природѣ христіанка. Второе начало — право. Оно является для человѣка длительно должнымъ, — связаннымъ со всѣмъ укладомъ жизни. Третье начало — политика, вѣчно измѣнчивое, текучее. Для человѣка политика является сознаніемъ долгаго и требуемаго для данныхъ мѣста и времени. Вся область этики подобна пирамидѣ, на которой зиждется культура и вся жизнь человечества. И вотъ теперь эта пирамида, фундаментъ „европейскихъ“ культуры и цивилизаціи, пошатнулась, грозитъ рухнуть и уничтожить вмѣстѣ съ собой высшее и созданное на ней. Европу предупредила и предоохранила отъ „опытовъ“ российская революція, — которая по своему замыслу (не въ выполненіи) является попыткой крайней европеизаціи и выполненія на

практикѣ всѣхъ европейскихъ раціонально соціалистическихъ плановъ.

Русская революція развалила свою пирамиду до основанія, уничтоживъ правовые устои и нормальную политику; однако, она оказалась пока что бессильна разрушить до конца мораль и замѣнить ее чѣмъ либо другимъ (хотя кризисъ ея жестокъ и еще не изжитъ). Широкой идейной основы социализмъ не могъ дать человечеству. Конечно, есть у социализма нѣчто цѣнное, это выдвигаемый имъ принципъ защиты угнетенныхъ и придавленныхъ экономической борьбой. Либерализмъ старой складки въ этой области явно долженъ сдать свои позиціи. Но этотъ принципъ основанъ на старой евангельской морали, отвергаемой социалистами и онъ не ихъ монополія.

23 августа.

Газеты полны извѣстій о кризисѣ фашизма. Рано начали хоронить Муссолини! Италіи онъ много далъ и б. м. дастъ еще. Чувствуется, однако, что у него чего то не достаетъ (м. б. инстинкта), чтобы стать мудрымъ правителемъ на многіе годы. А все таки многія страны могутъ позавидовать Италіи.

Большевизмъ и фашизмъ показали, что революція не творить, она болѣзнь, но на ея могилѣ можетъ расцвѣсти творчество націи. Теперь уже каждому здравомыслящему ясно, что нельзя противопоставлять просто и безапелляціонно „революцію“ и „контръ-революцію“, съ заранѣе взятой предпосылкой, что первая есть здоровое явленіе, второе болѣзненное. Въ наши дни часто можно услышать, что революція это значитъ „плыть по теченію“, „итти по колесу исторіи“, а контръ-революція — это реакція, движеніе противъ теченія, „вспять колесу исторіи“. Какъ все это неосновательно, но какъ крѣпко сидитъ оно въ головахъ многихъ! А между тѣмъ, можно ли примѣнить эту „аксіому“ къ коммунистической революціи въ Россіи — и къ фашистской контръ-революціи въ Италіи? Очевидно нѣтъ. Фашизмъ — безусловно реакція противъ большевизма, но полная живой работы. Реакція реакціи рознь. Бываютъ „реакціи“ мертвящія и творческія. Въ творческой реакціи жизнь отбрасываетъ ложь и фальшь революціи и указываетъ иные пути къ благосостоянію и благоденствію. Русская здоровая реакція отброситъ всю революціонную шелуху, мѣ-

шающую развитію Россіи. Но не все. Ей придется какъ-то принять и освоить новую правящую группу и среду, ее пополняющую. Конечно, гнойный коммунистическій наростъ, — партійные интернаціональные (по крови инородные) верхи этой группы будутъ срѣзаны начисто. Для этого не придется издавать законы: устраненіе этой верхушки произойдетъ фактически. Но широкая масса правящей группы, — весь волевой элементъ, — „герои факта“, находящіе отзвукъ въ народѣ, останутся. (Напр. красные командиры, администраторы изъ рабочей и полуинтеллигентной среды). Коммунистическій налетъ спадетъ съ нихъ при первой же ясной постановкѣ національныхъ задачъ Россійской Державы. Такая постановка даже укрѣпитъ ихъ положеніе. Цѣпкую и жадную къ власти совѣтскую бюрократію придется волей-неволей „поить“ и оплодотворить. Новая революція и новое радикальное переустройство были бы не по силамъ для Россіи.

30 августа.

Ѣздилъ въ Прагу. Случайно попался мнѣ въ руки „Соціалистическій Вѣстникъ“ съ „манифестомъ“ меньшевиковъ (новой программой). Чудаки — меньшевики. Требуютъ „введенія конституціи Р. С. Ф. С. Р. въ жизнь“. Интересно, чѣмъ они подкрѣпляютъ свое требованіе, и годно ли это лѣкарство для оздоровленія Россіи! Языкъ „манифеста“ — суконный и врядь-ли авторы понимали все, что писали. Труденъ для нихъ и чуждъ русскій языкъ. Боже, избавь насъ отъ участи меньшевиковъ! Евразійское братство хочетъ быть ближе къ жизни. Оно хочетъ создать движеніе, эволюцію, на основѣ соработы всего Евразійскаго этнографическаго комплекса подъ русскимъ водительствою, на основѣ сопряженія группъ, классовъ, лицъ и солидаризаціи ихъ интересовъ и обязанностей.

Евразійцы хотѣли бы усилить у „мірянъ“ чувства любви и радости, и довѣріе къ силамъ личности. Для евразійцевъ міръ — Божій садъ, гдѣ есть много тѣни, но больше свѣта. Мы оптимисты въ самомъ сильномъ значеніи этого слова, — оптимисты можетъ быть потому, что видѣли ужасы (можетъ быть еще увидимъ ихъ) и испытали отчаяніе, но преодолѣли Фаяго. Сейчасъ душа у насъ горитъ, — работы просить. Фашизмъ даетъ серію прекрасныхъ показательныхъ уроковъ. И

если евраїцямъ придется увидѣть осуществленіе ихъ чаяній въ жизни, то ихъ практика, можетъ быть, будетъ имѣть нѣкоторое сходство съ фашистской. Однако, условія политической практики разны: евраїскія данныя, евраїская психология и пр., дадутъ свою окраску тому явленію, котораго мы чаемъ. Грядущая Новая Россія пойдетъ по своему самобытному пути, и слово „Евразія“ станетъ символомъ грядущаго вѣка.

1 сентября.

Въ современной болѣзненно - напряженной политической жизни, выдѣляются ярко два явленія — большевизмъ и фашизмъ. Фашизмъ несомнѣнно является отвѣтомъ на коммунизмъ. Самая мысль о тѣхъ пріемахъ, которые практикуетъ фашизмъ, явилась у фашистовъ несомнѣнно на основѣ большевицкаго примѣра. Но соразмѣренъ-ли антитезисъ тезису? Приходится сказать, что нѣтъ. И вотъ по какимъ соображеніямъ:

Первое. Всякое историческое „дѣяніе“ имѣетъ свою историческую плоть. И это „дѣяніе“, въ особенности же „дѣяніе“ государственно - политическое, каковымъ является фашизмъ можетъ быть великимъ лишь въ томъ случаѣ, если имѣется соотвѣтствующей размѣрности историческая плоть¹⁾. Въ этомъ смыслѣ міровое значеніе большевизма, кромѣ всего прочаго, несомнѣнно опредѣляется тѣмъ, что большевизмъ завладѣлъ Россіей, шестой частью земной суши. Но что представляетъ собой современная Италія, какъ историческая плоть? Величину существенно провинціальную, — незначительную. Основные величины міровой исторіи (основополагающія имперіи) могутъ опираться или на океанъ, или на континентъ. Пока извѣстная южно - европейцамъ вселенная ограничивалась бассейномъ Средиземнаго моря, Италія находилась и въ континентальномъ, и въ океаническомъ (точнѣе морскомъ) центрѣ этого міра; на этомъ и основывался фактъ Римской Имперіи. Но не является ли нынѣшняя фашистская попытка возстановить римское преемство — прямой пародіей, изъ-за измѣненія объективных историческихъ условій? Той единицей, съ которой люди на-

¹⁾ Обратное является рѣдчайшимъ исключеніемъ въ исторіи.

шего полушарія принуждены считаться, какъ объектомъ своихъ расчетовъ, является теперь отнюдь не Средиземноморскій міръ, но весь Старый Свѣтъ въ его совокупности. И вотъ Италія, прежде всего по своему географическому положенію, но затѣмъ и по прочимъ даннымъ, не имѣетъ никакихъ шансовъ ни океанически охватить этотъ свѣтъ, ни континентально его возглавить. А вѣдь фашизмъ, по самой природѣ своей, сознательно и послѣдовательно весь свой діапазонъ ограничиваетъ Италіей! Основная необходимость нашего времени — противопоставить океаническому сложенію политическаго могущества („колониальныя“ державы) и экономическаго быта („заокеанская“ торговля) руководящихъ западно-европейскихъ странъ — политическое могущество и экономической бытъ, основанные на использованіи континентальныхъ сосѣдствъ. Сдѣлать это можетъ только Россія (континентальный центръ Старога Свѣта). Италія же по своимъ даннымъ въ отношеніи къ этимъ проблемамъ лишена всякихъ шансовъ. Если прибавить къ этому, что въ смыслѣ техническомъ современная хозяйственная эпоха есть эпоха „каменноугольная“ и „жельзная“, т. е. основанная на использованіи каменнаго угля, какъ основнаго топлива и жельза, какъ главнаго матеріала всѣхъ орудій производства, — и что Италія не имѣетъ вовсе заслуживающихъ упоминанія залежей каменнаго угля и жельзной руды, то рамки для фашизма вырисуются ясно. Это, чисто внѣшнее обстоятельство, глубоко значительно для всѣхъ вообще проблемъ великодержавія и міроваго вліянія. Современная Италія не имѣетъ великодержавной базы, а безъ этого фашизмъ, какимъ мы его знаемъ, не можетъ явиться отвѣтомъ соразмѣрнымъ тезису большевизма.

Второе. Все сказанное выше малозначительно и внѣшне по сравненію съ другимъ опредѣляющимъ обстоятельствомъ. Каждая идеологія можетъ достигъ предѣльной мощности лишь тогда, когда она является идеологіей „конечной“, т. е., утверждаетъ себя во всѣхъ горизонтахъ человѣческихъ дѣйствія и мышленія, отъ самыхъ низшихъ до самыхъ высшихъ, и въ этомъ смыслѣ коммунизмъ въ самомъ отрицаніи всѣхъ высшихъ горизонтовъ человѣческаго бытія и мышленія есть „идеологія конечная“, по своему учитывающая религіозный моментъ (а именно, — рѣзкимъ отрицаніемъ его). Фашизмъ могъ бы сыграть міровую роль лишь въ томъ случаѣ, еслибы онъ осу-

шествовать въ себѣ органическое сращеніе религіознаго и національнаго началъ. Фашистская „nazia deificata“ въ этомъ смыслѣ недостаточна. Многіе изъ фашистовъ — вѣрные католики, — но тутъ-то и возникаетъ основной трагическій моментъ фашизма. Въ качествѣ воплощенія религіознаго начала передъ фашизмомъ стоитъ папство. Достигнуть сращенія итальянской національной идеи съ папствомъ по всѣмъ признакамъ совершенно невозможно. Наоборотъ, по всѣмъ своимъ историческимъ традиціямъ папство враждебно итальянской національной идеѣ. Органическое сращеніе вселенскаго и національнаго дано только въ Православіи. Идея и фактъ православнаго царства былъ, есть и будетъ осуществленіемъ неразрывнаго сліянія вселенскаго и національнаго¹⁾ во многостороннее единство, православнаго царства, — конечно, не какъ формы правленія въ романо-германскомъ смыслѣ, а какъ благословеннаго сочетанія началъ Церкви и Государства — патріарха и царя, какъ свѣтскаго властителя и хранителя церкви. Та проблема, которая поставлена для современнаго сознанія коммунизмомъ, проблема цѣлостнаго пониманія бытія, разрѣшенная въ коммунизмѣ ущербленіемъ и обезображеніемъ, полно и свѣтло разрѣшается въ Православномъ Царствѣ.

Не фашизму быть антитезисомъ въ отношеніи къ тезису-коммунизму. Этотъ антитезисъ можетъ быть утверждёнъ только той же Россіей. Ибо только она одна потенциально имѣетъ въ себѣ всю совокупность духовныхъ и историческихъ данныхъ для созданія необходимаго синтетическаго рѣшенія.

20 сентября.

Окончилъ чтеніе „Современныхъ Записокъ“. Черезъ всю книжку красной нитью проходитъ мысль, что въ психологіи современной „демократіи“ что то смѣшается и что многое ей необходимо немедля перестроить. Настави ее, Господи, на путь истинный.

Получилъ письмо отъ **). Онъ пишетъ, что „парижскіе“ евразійцы просятъ совѣта: „что дѣлать, пока Россія придетъ

¹⁾ Православная церковь распадается на мѣстныя церкви, которыя не имѣютъ возглавленія внѣ своей „плоти“ — границъ государства (возглавленіе — Помѣстный Соборъ и избранный имъ Патріархъ).

въ сознаніе, и какъ использовать эмигрантамъ это время въ интересахъ Россіи?“ Вопросы тяжкіе. Я написалъ **), что, по моему мнѣнію, каждый евразіецъ долженъ дать слѣдующій клятвенный обѣтъ: „Пока Россія не получитъ возможности свободнаго строительства своей жизни и своей новой культуры, — до той поры евразійцы должны приложить всѣ силы къ накопленію знаній и опыта въ цѣляхъ будущаго ихъ использованія для воссозданія и подъема Родины. Каждый долженъ изучить одно строго ограниченное дѣло изъ области своей профессіи или спеціальнойности, или наряду съ ними. Напримѣръ, можно изучить организацію полиціи въ какой либо опредѣленной странѣ, роль торговыхъ палатъ, міровые суды, использованіе моторовъ Дизеля въ какой либо опредѣленной отрасли промышленности, механическую очистку улицъ на западѣ, опредѣленное ремесло и т. д. и т. п. Изученіе должно быть исчерпывающимъ и всестороннимъ, не только теоретическимъ, но гл. обр. практическимъ. Это изученіе должно носить характеръ исключительный — обѣта и жертвенности. Если молодежь — евразійцы послѣдуютъ такимъ путемъ, то Россія пожнетъ прекрасную жатву. — Во первыхъ въ Россію явится цѣлая армія дѣйствительно знающихъ и опытныхъ людей, а во вторыхъ эта армія будетъ не иноземная, а своя — евразійская, знающая чужое, но кровью и духомъ застрахованная отъ увлеченія имъ. При такихъ условіяхъ, знанія и опытъ будутъ использованы не для пересадки цѣликомъ уклада Запада на нашу почву (къ чему сводились многіе изъ Петровскихъ реформъ), — но для постройки своего, отвѣчающаго нашимъ — міру духовному, матеріальнымъ условіямъ и потребностямъ.

Кончается лѣтнее приволье. Послѣзавтра отъѣздъ. Начинаю укладываться... Впереди — зима, съ ея общественной жизнью, стычками, диспутами. Начинается новый періодъ борьбы за евразійство. Дай Боже успѣха...

Яковъ Садовскій